

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

МАТЕРИАЛЫ
VI МЕЖДУНАРОДНОГО
КОНГРЕССА
ФИННО-УГРОВЕДОВ

Том 2

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
КОМИ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
Институт языка, литературы и истории

**МАТЕРИАЛЫ
VI МЕЖДУНАРОДНОГО
КОНГРЕССА
ФИННО-УГРОВЕДОВ**

Том 2

Ответственный редактор
Г.В. ФЕДЮНЕВА

МОСКВА
„НАУКА“
1990

В процессе этногенеза с развитием производства развиваются и совершенствуются формы общественной организации человека. Самостоятельные этнические образования складываются на определенных этапах развития, когда этнос может характеризоваться по трем основным самобытным признакам: языку, материальной культуре (шире материальному производству) и антропологическому типу. Исследование процесса этногенеза того или иного этнического образования, как правило, заключается, с одной стороны, в выявлении тех элементов, из которых сложилась материальная культура данного этноса, его физического типа, языка этноса и, с другой стороны, тех процессов, в результате которых он складывался. Естественно, что о характере этих процессов можно только предполагать по сходству основных признаков этноса.

Указанные признаки этноса начали формироваться в период родо-племенной организации общества. Формирование признаков этноса могло проходить и как развитие и совершенствование исконных признаков, так и в процессе заимствований и взаимовлияний. Вновь приобретенные признаки этноса (как в процессе внутреннего развития, так и в процессе заимствований и взаимовлияний) становятся исконными, если они, трансформируясь, органически входят в систему и не воспринимаются как иносистемные.

Несомненно, складывание этносов подготавливалось родо-племенной организацией общества, теми взаимодействиями, которые существовали между родом и племенем. Ф.Энгельс в работе "Происхождение семьи, частной собственности и государства" в соответствии с Л.Морганом дает признаки или обычаи рода и племени. Одним из главных признаков рода — это экзогамия. Племя же эндогамно. Браки заключаются внутри племени между родами данного племени. Племя имеет собственную территорию и собственное имя. Причем в состав территории входило не только место поселения, но и области охоты и рыболовства. Для каждого племени характерен особый, свойственный ему диалект. Важным признаком племени являлись религиозные представления, обряды, мифология, сюда же относились танцы, игры, а впоследствии и песни. Естественно предполагать, что для племени характерно было единство материальной культуры.

Следует отметить, что Д.В.Бубрих, говоря о сложении финно-угорской семьи языков, общности грамматического строя и словарного состава объяснял именно контактным развитием диалектов в соответствии с концепцией Ф.Энгельса и Л.Моргана, а не путем распада существовавшего финно-угорского праязыка.

Впоследствии с распадом первобытнообщинного строя возникли новые общественные образования группы или семьи племен. С.А.Арутюнов и Н.Н.Чебоксаров предложили термин "соплеменность". Соплеменность как общественный институт занимала промежуточное положение и была переходной формой от племени к народности. К этому времени — период разложения первобытного общества, как полагают большинство советских и зарубежных ученых, началось складывание языковых семей, которое сопровождалось характерными для этого времени массовыми миграциями, процессами перемещения и смешения населения.

Прародина уральцев, по утверждению финно-угроведов, находилась в северной части Западной Сибири, в районе между нижней Обью и Уральскими горами. (При-

мерно У - Ш тыс. до н.э.). Некоторые ученые, правда, формирование уральской семьи языков определяют в Западной Сибири, откуда они распространились на север и запад. Не позднее III тыс. до н.э. финно-угорская ветвь уральской семьи продвинулась в район бассейна Печоры и Камы на западной стороне Урала.

В социальном отношении финно-угорское "единство" представляло собой оо-племенность, развивавшихся в контакте на основе экзогамно-эндогамных отношений родов. В "центре" эти отношения были устойчивыми, на "окраинах" они ослаблялись. Языковые семьи постепенно складывались в силу контактного развития, накапливая в процессе этногенеза языковые и иные общности. Ни о каком едином финно-угорском праязыке, тем более уральском, не может быть и речи. Как свидетельствуют данные археологии, этнографии, антропологии в настоящее время не обнаружено единых элементов в материальной культуре и антропологическом типе народов, составляющих финно-угорскую семью языков. Разумеется, это не исключает выявления архетипов в лексике и грамматике, сведение в единую синхронную плоскость фактов языка. Такие операции помогут уточнению относительной диахронии контактного развития различных финно-угорских языков, а иногда и абсолютной. Финно-угорский праязык - это только необходимая и полезная гипотетическая модель в исследовании языкового родства финно-угорских народов.

К настоящему времени накопилась значительная литература по этногенезу саамов. Этой проблемой живо интересуются лингвисты, археологи, этнографы, антропологи. Получены новые интересные материалы. И все же в этой проблеме много неизученного. Проблема протосаамов еще далека от своего решения, хотя фактический материал по многим моментам имеется. А главное, отсутствует единая непротиворечивая концепция этногенеза саамов, объединяющая данные всех наук.

Лингвистические данные являются наиболее существенными при определении этноса. Саамский и прибалтийско-финские языки характеризуют значительные общности в грамматике и лексике. В настоящее время всеми учеными признано положение о том, что существовал период прибалтийско-финско-саамской общности. Главный вопрос в этногенезе саамов состоит в том, явились ли протосаамы нефинно-угорским народом, воспринявшим впоследствии прибалтийско-финскую речь, или саамы изначально представляли тесное единство с прибалтийско-финскими народами, т.е. по существу представляли один народ. Как известно, в саамском языке имеется субстратный слой лексики, достигающий до трети всего состава, не имеющий соответствий в других финно-угорских языках. Если принять во внимание состав субстратной лексики по количеству и по важности лексем, вряд ли можно говорить об исконно едином языке саамов и прибалтийских финнов. Э.Эрнштедт привел параллели саамской субстратной лексики в лексике тунгусо-маньчжурских языков. Даже, если из тридцати шести параллелей не все являются достаточно надежными, этот факт отнюдь нельзя объяснить случайными звуковоспадениями. Работами А.К.Матвеева твердо установлено, что саамская топонимика (в том числе и этимологизируемая субстратной лексикой) распространена на восток, в том числе на территории Коми АССР и области северного Урала. К сожалению, топонимика Зауралья еще слабо изучена. Наконец, следует отметить, что в саамском языке имеется свыше 50 соответствий самодийским языкам. Все это убедительно свидетельствует о том, что протосаамы ранее были значительно восточнее их теперешнего местопребывания.

Археологические находки, несмотря на их "вещественность", массовость и разнообразие, не могут быть пока еще надежным критерием при идентификации эт-

носа. Это объясняется не только их "молчанием", но и большой глубиной (на Севере обнаружены поселения с возрастом 7-8 тысячелетий до н.э.), а главное отсутствием непрерывности между этими ранними находками и находками средневековья. По существу отсутствует проекция археологической культуры со времени писаной истории в эпоху позднего неолита, когда формировались саамские племена. До сих пор нет еще однозначного определения прото- и саамской культуры. Г.А. Панкрушев считает, что культура "Сперингс" принадлежала протолюпам. Н.Н. Гурин утверждает, что с эпохи мезолита (VI тысячелетия до н.э.) — первичного заселения Кольского полуострова — вплоть до современности эта территория была непрерывно обитаема во все эпохи и, что "саамы формировались на местной основе". Культуру саамов она связывает с асбестовой керамикой. Большинство ученых считают культуру ямочно-гребенчатой керамики, принадлежащей финно-уграм, которые стянулись на территорию Карелии и Финляндии с востока.

Если археологические находки мы не можем с полной определенностью отнести к тому или иному этносу, то сходства в материальной культуре различных этносов говорят либо об их генетической общности, либо о контактах и взаимовлияниях. Так, Т. Лукьянченко говорит о сходных чертах в культуре мезенских и канинских ненцев с саамами, которые проявляются не только в способах ведения оленеводческого хозяйства, но и в одежде, в конструктивных особенностях ненецкой маленькой лодочки и саамской кережи и др. Эти сходства автор объясняет древними контактами.

Уже давно было замечено, что саамы в отличие от прибалтийско-финских народов имеют монголоидные признаки.

Своеобразие этнической общности саамов объясняется трансформацией исконных и заимствованных признаков этноса в процессе развития. Будучи арктическим народом, протосаамы соприкасались с самодийцами, о чем говорят общности в материальной культуре и языке. От прибалтийских финнов они восприняли навыки производящего хозяйства; об этом свидетельствует лексика саамского языка. По своему антропологическому типу саамы принадлежат к промежуточному звену между монголоидным и европеоидным типами. В лексике саамского языка имеется субстратный слой, не имеющий соответствий в других финно-угорских языках.

Протосаамы по своему происхождению являются выходцами с востока. Об этом свидетельствует также основывающаяся на субстратной саамской лексике топонимика, которая простирается на восток до Коми АССР и далее. Дополнительным свидетельством этому являются также общности саамской субстратной лексики с лексикой тунгусо-маньчжурских языков.

Саамы в их современном состоянии сформировались в результате взаимодействия с прибалтийскими финнами, от которых они и восприняли прибалтийско-финскую речь. По всей вероятности, это произошло в районе Онежского озера. Косвенным этому свидетельством является краниологический материал Оленьего острова, который имеет европеоидные и уральские черты, т.е. говорит о смешанном населении.